

UNITED WISDOM

Русский космизм: человеческое участие и границы большого проекта

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-33-N05 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Русский космизм: человеческое участие и границы большого проекта

Эпиграф

«Супраморализм — это долг к отцам–предкам».

Николай Фёдоров, «Супраморализм, или всеобщий синтез», начало основного текста. Короткий фрагмент проверен по публикации библиотеки имени Н. Ф. Фёдорова.

О чём эта статья

Большой проект меняет взгляд на обычную жизнь. Дом, исследование, школа или общественная работа начинают восприниматься как часть будущего, которое далеко превосходит одного человека. В этом есть сила: можно заметить последствия, за которые никто не отвечает по отдельности. Есть и опасность: ради великолепного целого легко перестать слышать тех, кого оно должно объединить.

Русский космизм позволяет рассмотреть обе стороны такого движения. Здесь мы сопоставим три разных замысла: общее дело Николая Фёдорова, космическую философию Константина Циолковского и представление Владимира Вернадского о ноосфере. Их объединение в одну тему не делает их учения одинаковыми. Вопрос статьи практический: как участвовать в деле, которое больше нас, сохраняя различие между надеждой, проверяемым знанием и обязанностью перед конкретным человеком? Исторические идеи станут собеседниками, а предложенные примеры — нашей собственной пробой их границ.

I. Большой горизонт начинается с различения вопросов

Название «русский космизм» удобно, пока оно не обещает готовой общей формулы. У Фёдорова, Циолковского и Вернадского различаются исходные вопросы, способы обоснования и представления о результате. Поставить их рядом полезно именно потому, что согласие между ними не следует из широты замыслов. Для совместного чтения нам достаточно общего интереса к человеческому участию в мире; единую доктрину из него выводить не нужно.

Представим проект, который обещает преобразить жизнь небольшого города. В его презентации рядом стоят солнечная энергия, доступное образование, память о предках и духовное единство жителей. Слова могут обозначать достойные намерения. Но это разные задачи. Производительность оборудования проверяют измерениями. Образовательную доступность — условиями входа и фактическим обучением. Значение памяти обсуждают участники. Духовное единство требует ещё более осторожного разговора: кто вправе считать его достигнутым и по каким признакам?

Если все задачи слить, успех одной начинает служить доказательством остальных. Новая электростанция будто бы подтверждает правильность устройства общества; торжественный общий праздник будто бы доказывает качество обучения. Такой переход не обязателен. Можно поддерживать строительство и одновременно критиковать закрытый порядок решений. Можно дорожить памятью и не соглашаться с предлагаемой политикой будущего.

Поэтому первое действие перед большим проектом — разложить его утверждения. Что мы считаем ценностью? Что предполагаем возможным? Что уже умеем делать? Что зависит от согласия других? Эти вопросы не уменьшают горизонт. Они показывают, где начинается ответственность за его содержание.

У большого замысла может быть несколько входов. Один человек приходит через исследование, другой через заботу, третий через историческую память. Их сотрудничество не требует одинакового объяснения всей Вселенной. Оно требует понятного соглашения о ближайшем деле. Если объяснение мира становится обязательным пропуском к участию, масштаб проекта начинает сужать круг людей ещё до первого результата.

II. Фёдоров: прошлое не должно стать расходным материалом

В «Супраморализме» Фёдоров связывает долг к предкам с воскрешением. Речь идёт о буквальном возвращении умерших, а не только о сохранении их имён. Нельзя пересказать этот замысел как обычный призыв уважать семейный архив: тогда исчезает его радикальность. Но столь же неверно было бы представить нравственную постановку задачи как подтверждение технической возможности её исполнения. Между целью и осуществимым способом остаётся огромное различие.

Для нашего рассуждения важен вопрос, который эта радикальность делает видимым. Кто входит в будущее, называемое общим? Обычно мы легко говорим о следующих поколениях и гораздо труднее — о людях, чьи жизни закончились без исполнения надежд. Развитие может изображаться как лестница: каждый прежний человек нужен

лишь затем, чтобы следующий поднялся выше. Фёдоров сопротивляется такому исчезновению предков в результате.

В условной семье новое поколение получает образование, жильё и свободное время благодаря труду старших. Возникает соблазн считать собственный успех доказательством, что прошлые жертвы были правильными. Но успешная жизнь ребёнка не делает автоматически справедливым каждое лишение родителя. Благодарность и оправдание чужого страдания — разные движения мысли. Можно быть признательным за полученное, не объявляя необходимым всё, что ради него потеряли.

Мы не превращаем отсюда фёдоровское воскрешение в программу семейной помощи. Это отдельное современное применение вопроса о долге. Оно предлагает признать в прошлом не только источник полезных ресурсов, но и жизни со своим собственным смыслом. В таком взгляде архив, рассказ и забота приобретают достоинство, хотя не осуществляют исходную цель философа.

Сохранить радикальность автора значит позволить ему требовать большего, чем готовы обещать мы. Сохранить честность читателя значит не выдавать наше ограниченное действие за исполнение этого требования. Между ними возможен содержательный разговор: чего не замечает будущее, когда слишком быстро объявляет себя победой над прошлым?

III. Долг не выдаёт одному человеку право распоряжаться всеми

Слово «общее» звучит гостеприимно, но может стать требованием без возможности возражения. Если дело объявлено безусловным долгом человечества, отказ легко истолковать как нравственную неполноценность. Именно здесь большой горизонт нуждается в проверке: каким образом человек должен войти в него и кто установил условия? Это наш вопрос к проектной логике, а не утверждение, что исторические авторы уже предложили современный порядок добровольного участия.

Представим родственников, создающих семейный музей. Один собирает письма, другой оплачивает помещение, третий хочет сохранить некоторые истории в частном кругу. Общая память не снимает последнего желания. Принуждение к раскрытию личных документов может нарушить то доверие, ради которого музей возник. Назвать все отказы равнодушием к предкам — значит заранее исключить важное содержание разговора.

Долг при этом не исчезает. Человек может действительно пользоваться чужим трудом, забывать обещания, оставлять заботу другим. Но обсуждать такую ответственность

нужно через конкретные отношения: что было получено, что обещано, какие возможности есть сейчас, кто уже несёт нагрузку. Всеобщая формула не заменяет этих различений. Особенно если она произносится тем, кто будет управлять чужими средствами и временем.

Стоит проверить и форму отказа. Нежелание участвовать в одном проекте не всегда означает нежелание отвечать вообще. Человек может предпочесть помощь живому родственнику публичному мемориалу. Может согласиться передать копии писем, сохранив оригиналы. Может предложить меньшее действие вместо требуемого большого. Такие варианты обнаруживаются, когда разговор о долге допускает ответ.

Сильная общность умеет отличить спор о способе от отрицания ценности. Если каждый вопрос о бюджете, сроках или доступе трактуется как измена высшей цели, участники теряют возможность исправить ошибку. Тогда именно почтительное отношение к цели побуждает вернуть ей обсуждаемые условия. Общее дело становится предметом совместной ответственности только там, где люди могут объяснить, почему и как они в нём участвуют.

IV. Надежда может направлять исследование, но не подтверждать его результат

Большая цель нередко появляется раньше надёжного способа. Это нормально для исследования: вопрос ещё открыт, данные неполны, устройство не создано. Опасность возникает, когда ценность цели начинает выполнять работу доказательства. Если желаемый результат благороден, нам хочется считать более вероятной и гипотезу, которая к нему ведёт. Однако надежда отвечает на вопрос о направлении усилия, а свидетельство — на вопрос о том, что установлено.

Условная группа исследователей ищет способ улучшить восстановление после травм. У неё есть предварительное наблюдение, заслуживающее проверки. Заявить о наблюдении честно. Объявить его доказанным возвращением всех утраченных возможностей — уже другой поступок. Вторая формулировка влияет на решения людей, которым сейчас приходится жить с ограничениями. Для них разница между возможностью и установленным результатом имеет непосредственную цену.

Чтение радикальных проектов помогает не отказаться от надежды, а дать ей ясную форму. Можно сказать: это желаемый предел; это исследовательский вопрос; это промежуточный результат; здесь мы пока не знаем. В таком языке большой замысел не исчезает. Он получает пространство для ошибок, пересмотра и частичного успеха, которое закрывает торжественное обещание неизбежности.

Есть ещё вопрос о распределении ресурсов. Открытая гипотеза может заслуживать работы, но сама её привлекательность не определяет, сколько труда ей следует отдать за счёт других нужд. Одновременно существуют помощь сейчас, фундаментальное исследование и поддержание условий жизни. Сравнение этих задач требует обсуждения последствий, а не единственного лозунга о будущем.

Неудачный опыт тоже может быть содержательным результатом, если его границы сохранены. Он сообщает, какой способ не сработал в определённых условиях. Но если проект заранее обязан осуществить историческую миссию, признать неудачу становится почти невозможно. Поэтому право на отрицательный результат — одна из практических форм уважения к познанию. Оно защищает и исследователя, и людей, которым предстоит пользоваться его выводами.

V. Циолковский: техническая работа и картина Вселенной требуют разных оценок

В тексте «Космическая философия» Циолковский рассуждает о населённой Вселенной и будущих формах жизни. Его аргументация выходит далеко за пределы проектирования отдельного технического устройства. Поэтому известность автора как исследователя космического движения не может служить общим сертификатом истинности всех его философских выводов. Конкретное техническое решение и мировоззренческая картина проверяются по разным основаниям.

В повседневной жизни такой перенос авторитета встречается часто. Инженер превосходно организовал сложное производство. Его начинают спрашивать не только об оборудовании, но и о справедливом воспитании, смысле страдания, лучших формах общества. Он вправе рассуждать обо всём этом. Однако слушателям нужно различать профессионально подтверждённое знание, личную гипотезу и ценностное предпочтение. Уважение к человеку не обязывает делать эти ответы одинаково доказанными.

Большая картина особенно убедительна, когда соединяет несколько привлекательных обещаний. Будущее будет разумным, жизнь продолжится, страдания исчезнут, пространство станет доступным. Тогда отдельный вопрос о переходе между тезисами выглядит мелким рядом с масштабом видения. Но именно переход может быть слабым местом. Из возможности движения за пределами Земли ещё не следует конкретное устройство будущего общества. Из множества звёзд не следует нравственный характер возможных обитателей.

Мы можем читать такую картину как философское воображение, спорить с ней и замечать её историческую силу. При этом не обязательно обращаться с ней как с

установленной картой космоса. Направление мысли становится понятнее, когда мы видим, что автор предлагает доказать и какие посылки считает достаточными.

Полезно спросить о собственной реакции: какой тезис я принял потому, что его обосновали, а какой — потому, что хочу разделить величие автора? Этот вопрос не направлен против восхищения. Он позволяет восхищаться точнее. И помогает не потерять хорошую техническую идею из-за несогласия с философией, равно как не принять спорную философию из благодарности за хорошую техническую идею.

VI. Совершенство становится опасным, когда выбирает, кому жить

У космического оптимизма Циолковского есть трудная сторона, которую нельзя вырезать ради вдохновляющего рассказа. В статье 1935 года он допускает, что более развитые существа уничтожают примитивную жизнь и заменяют её собственной, считая это избавлением от страданий. Это рассуждение автора о воображаемом устройстве космоса, а не наблюдение за реальными цивилизациями. Но его нравственная логика заслуживает прямого вопроса: почему признанный лучшим результат даёт право устранить того, кто признан худшим?

Здесь недостаточно возражения, что исполнители могут ошибиться в расчёте. Даже безупречный расчёт общего счастья не отвечает сам собой на вопрос о достоинстве отдельной жизни. Человек или существо оказываются оценены с позиции чужого совершенства. Их собственное существование превращается в материал, который допустимо заменить для получения более красивой картины.

Возьмём значительно менее радикальный условный пример. Организация хочет создать идеальную среду обучения и решает исключить всех, кто снижает средний показатель успеха. После исключения цифры действительно улучшаются. Но показатель измеряет теперь другую группу. Проект не решил исходную задачу помощи прежним участникам; он поменял тех, о ком считает результат. Красивый отчёт скрывает этот переход.

Такой пример не уравнивает образовательное решение с космическим уничтожением. Он показывает общий вопрос к отбору: сохраняется ли адресат блага после преобразования? Если обещали улучшить жизнь этих людей, а затем объявили успехом отсутствие этих людей, цель была незаметно заменена. Это нужно проговорить до сравнения выгод.

Критическое чтение позволяет сохранить интерес к будущему, не принимать каждое оправдание его совершенства. Стоит отдельно назвать тех, чья жизнь предполагается улучшенной, тех, кто принимает решение, и тех, кто несёт необратимую потерю. Чем

значительнее проект, тем труднее должно быть спрятать последнюю группу в словах о гармонии. Масштаб счастливого целого не делает потерю отдельного существа невидимой для нравственного обсуждения.

VII. Вернадский: мысль меняет мир через человеческую деятельность

У Вернадского исходная сцена иная. В «Нескольких словах о ноосфере» речь идёт о биосфере Земли и геологическом значении человека. Он связывает возросшую преобразующую силу с разумом и направленным им трудом. Важно удержать материальный предмет разговора: люди меняют вещества, воды, воздух, условия жизни. Смысл понятия нельзя исчерпать образом невидимого общего сознания.

Отсюда для нас возникает простая последовательность вопросов. Какая мысль предложена? Кто превратил её в решение? Какие действия совершены? Что изменилось в окружающем мире? Мысль о чистой реке сама по себе не очищает воду. Она может организовать наблюдения, договорённости, финансирование, устройство работ. Эти звенья нужно увидеть, иначе слово «разум» скрывает реальный труд и реальные последствия.

Представим поселение, решившее изменить систему водоотведения. Одни обсуждают цель, другие исследуют почву, третьи обслуживают оборудование, жители меняют некоторые привычки. У каждого действия есть ограничения. Устройство может требовать ухода; нагрузка может распределяться неравномерно; прежний способ иногда возвращается. Считать проект разумным можно не по красоте его названия, а по способности учитывать эти условия и проверять изменения.

Такое современное применение не означает, что каждый местный проект уже является доказанным наступлением ноосферы. У Вернадского гораздо более широкая историческая конструкция. Мы используем различение мысли и материального действия, чтобы не выдавать намерение за совершённое преобразование. Полезное понятие помогает увидеть вопрос, но не освобождает от отдельного исследования.

Нужно различать также силу и благо. Огромное воздействие человека на среду само по себе не подтверждает разумность каждого вмешательства. Можно обладать мощными средствами и плохо понимать их последствия. Поэтому признание человеческого участия не только воодушевляет. Оно возвращает обязанности: наблюдать, обсуждать, исправлять, сохранять возможность будущих решений. Тот, кто изменяет условия чужой жизни, уже вовлечён в отношения ответственности, даже если описывает свою работу исключительно техническими словами.

VIII. Будущие поколения не могут подписать наше решение

Вернадский говорит о сохранении морских богатств для будущих поколений. Для нашего размышления это открывает особое затруднение. Люди будущего не присутствуют в нынешнем разговоре, не уточняют свои предпочтения и не могут отказаться от его последствий. Их интересы приходится представлять нам, оставаясь честными относительно границ такого представительства.

Условная община выбирает между быстрым доходом и сохранением пространства, которое будет служить долго. Простой ответ «будущие люди наверняка захотят именно этого» слишком уверен. Мы не знаем всех их потребностей. Но можно знать, что некоторые действия закроют возможности: исчезнет доступ, будет уничтожен архив, возникнет трудно устранимая нагрузка. Сохранение возможности выбора иногда обосновывается лучше, чем угадывание конкретного будущего желания.

При этом нельзя превращать нынешних людей в бесконечный резерв жертв. У них тоже есть нужды, сроки жизни, право на помощь. Разговор о поколениях становится сложнее именно потому, что достойными внимания остаются обе стороны. Будущий интерес не отменяет сегодняшнюю ответственность, а сегодняшнее удобство не делает безразличным завтрашний ущерб.

Полезно разделить необходимость, выгоду и перенос издержек. Иногда трудное решение действительно нужно. Но иногда проект удобен потому, что основные последствия понесут те, кто ещё не может возразить. В таком случае прозрачный расчёт должен назвать это обстоятельство, а обсуждение — проверить доступные варианты. Отсутствие голоса не означает отсутствие интереса.

Большой горизонт требует и скромности представителя. Человек, говорящий от имени человечества, не получает тем самым сведения о каждом будущем человеке. Его аргументы остаются доступными для вопроса: почему именно этот выбор сохраняет или расширяет возможности? Какие сегодняшние потери он требует? Кто их понесёт? Такая проверка не сводит заботу к близкому сроку. Она позволяет заботиться о далёком, не присваивая себе его воображаемое единогласие.

IX. Общее участие нуждается в распределённой возможности исправлять

В большом проекте невозможно, чтобы каждый участник понимал всё одинаково подробно. Одни знают устройство, другие последствия для быта, третьи историю места. Разделение знания необходимо. Однако оно становится уязвимостью, если только один центр вправе сообщать, что происходит, а остальные обязаны верить в целое. Тогда ошибка может сохраняться именно потому, что участники добросовестно выполняют свои части.

Представим совместное исследование городской среды. Специалист сообщает результаты измерений. Житель указывает, что в отчёте отсутствует время, когда проблема особенно заметна. Организатор видит, что предложенная мера недоступна части людей. Эти возражения не обязаны иметь одинаковый научный статус, но каждое может обнаружить важный пробел. Нельзя решить их общей фразой, что все должны довериться большой цели.

Распределённая возможность исправления означает понятный путь от замечания к проверке. Кто принимает сообщение? Как уточняют предмет? Где сохраняют решение? Как сообщают об изменении? Без этих связей призыв к участию может означать лишь требование трудиться. Человек помогает выполнить проект, но не имеет способа повлиять на его ошибочный ход.

Здесь полезно различить два рода доверия. Мы доверяем чужому умению там, где не можем повторить всю работу. И доверяем устройству отношений, в котором важное возражение не будет подавлено. Второе не заменяет первого, но поддерживает его. Знание собственной ограниченности должно делать специалиста внимательнее к условиям проверки, а не требовать от всех безусловной лояльности.

Общее дело может оставаться общим при разных убеждениях участников. Для этого нужно согласовать действие, допустимые последствия и возможность выхода, а не единую картину космоса. Иногда такое ограниченное согласие выглядит беднее возвышенного единства. Зато оно показывает, какую работу люди действительно приняли на себя. Их участие получает форму обещания, которое можно понять и проверить, а различие взглядов остаётся источником новых вопросов вместо повода исключить неудобного собеседника.

X. Масштаб замысла не заменяет качества ближайшего шага

После разговора о космосе ближайший шаг может показаться слишком малым. Записать свидетельство, проверить расчёт, изменить порядок обсуждения — разве это сопоставимо с всеобщим преобразованием? Но именно здесь обнаруживается отношение между большим горизонтом и конкретной жизнью. Если величие цели обесценивает всё доступное действие, проект способен надолго оставить человека между восторгом и бессилием.

Не каждое малое действие полезно. Оно тоже требует смысла и проверки. В условном архивном проекте можно месяцами украшать обложки, пока документы продолжают портиться. В природоохранном деле — устраивать торжества, не замечая источника проблемы. Масштаб сам по себе не определяет качество ни большого, ни малого шага. Нужна связь: что именно этот шаг сохраняет, выясняет или меняет?

Есть и обратная опасность — назвать ближайшую работу окончательным исполнением всей надежды. Сохранённое письмо не возвращает умершего. Исправленная система водоотведения не доказывает историческую неизбежность разумного человечества. Успешный опыт не разрешает все философские вопросы о жизни. Признание этих границ позволяет ценить результат без присвоения ему чужого масштаба.

Русский космизм в таком чтении не становится инструкцией повседневного управления. Он остаётся пространством трудных вопросов о прошлом, будущем, природе и участии человека. Фёдоров не даёт забыть адресата общего блага. Циолковский заставляет проверить нравственную цену воображаемого совершенства. Вернадский возвращает мысль к труду и материальному изменению Земли. Это разные направления разговора, а не три доказательства одной формулы.

Читатель вправе сохранить большую надежду и одновременно отказаться от необоснованного обещания. Может участвовать в общем деле, не отдавая ему право решить всю свою жизнь. Может признать ответственность перед будущим, не лишая достоинства нынешних людей. Ближайший честный шаг тогда приобретает особый смысл: он не заменяет большой горизонт, но проверяет, способны ли мы двигаться к нему так, чтобы реальные участники оставались видимыми.

Что это значит на практике

Возьмите один проект, в котором вы участвуете или к которому вас приглашают. Это может быть семейное, исследовательское, общественное или рабочее дело. Не нужно выбирать задачу космического масштаба. Достаточно, чтобы она связывала несколько людей и обещала результат за пределами сегодняшнего удобства.

Сначала запишите его цель без возвышающих слов. Что должно измениться и для кого? Если в формулировке есть «человечество», «общее благо» или «будущее», добавьте хотя бы одного конкретного адресата. Не подменили ли его другими людьми, с которыми результат получить легче? Не означает ли успех проекта исчезновение тех, кому обещали помощь?

Затем разделите четыре строки: ценность, предположение, установленное знание, принятое действие. Например, сохранение памяти — ценность; желаемый будущий доступ — ожидание; состояние документов — проверяемые сведения; способ хранения — действие. Отметьте переход, который пока держится только на надежде или авторитете. Называть его открытым вопросом полезнее, чем прятать его в уверенной формуле.

Отдельно посмотрите на участие. Кто принимает решения, кто трудится, кто оплачивает, кто несёт риск? У кого есть возможность возразить или выйти? Кто отсутствует в обсуждении, хотя получит последствия? Если вы представляете интересы умерших или будущих людей, напишите, на чём основано представительство и чего вы не можете знать за них.

Теперь выберите один шаг, который сохраняет возможность исправления. Это может быть уточнение обещания, проверка данных, разговор с затронутым человеком, сохранение документа или изменение порядка ответа на замечания. Сформулируйте наблюдаемый результат и срок возвращения к нему. Большая надежда останется рядом; оценивать шаг нужно по тому, что он действительно сделает.

После выполнения вернитесь к двум вопросам: стало ли яснее, что мы знаем, и остались ли видимыми люди, ради которых действуем? Отрицательный ответ не требует немедленно отказаться от всего проекта. Он указывает место, где участие нуждается в изменении. Это упражнение — способ рассмотреть решение, а не метод доказательства исторических учений или обещание общего согласия.

Ключевая цитата

> *«Мысль не есть форма энергии».*

Владимир Вернадский, «Несколько слов о ноосфере», §12. Проверено по электронной публикации текста. Следом автор ставит вопрос о воздействии мысли на материальные процессы; короткая цитата не означает отрицания такого воздействия и не подтверждает особого физического поля сознания.

Связи с другими традициями

Традиция и текст	Содержательный мост	Граница сопоставления
Христианство: 1 Коринфянам 12	Разные участники сохраняют значение внутри целого; часть не должна исчезать ради образа единства.	Павел говорит об общине и духовных дарах. Это не теория технического переустройства космоса и не программа Фёдорова.
Кант: «Основы метафизики нравственности», II, 4:429	Достоинство человека ставит предел использованию его как средства для прекрасного будущего.	Принцип не даёт научного ответа о населении Вселенной; он предлагает иной способ нравственного обсуждения цели и средств.
Конфуцианство: «Лунь юй», 13.23	Доброжелательность без заискивания помогает поставить вопрос об участии, допускающем возражение.	Краткое изречение о благородном человеке не содержит теории ноосферы и не решает порядок участия в современном проекте.
Соловьёв: «Оправдание добра», глава X	Вопрос об отношении личности и целого помогает оценить обещание общего блага.	Всеединство не тождественно трём разным космическим замыслам; здесь сопоставляется вопрос, а не утверждается единство систем.

Источники

1. Н. Ф. Фёдоров. «Супраморализм, или всеобщий синтез», начало основного текста: долг к предкам, воскрешение, отношение нравственной задачи и действия. Первичный текст в библиотечной электронной публикации; изучен выбранный фрагмент.

2. К. Э. Циолковский. «Космическая философия», 1935: рассуждения о населённости космоса, устранении несовершенной жизни и будущих формах существования. Первичный текст; дата и сведения о первой публикации взяты из вводной заметки сайта.

3. В. И. Вернадский. «Несколько слов о ноосфере», 1944, §§1–3, 9–13: эмпирическая постановка вопроса, труд, материальное воздействие человека, будущие поколения. Первичный текст в электронной публикации по изданию 1991 года.

4. Апостол Павел. 1 Коринфянам 12, прежде всего 12:12–27. Для сопоставления прочитан текст KJV; русские формулировки в таблице — пересказ смысла, без цитирования перевода.

5. И. Кант. «Основы метафизики нравственности», раздел II, 4:429. Изучен соответствующий фрагмент английского перевода Thomas Kingsmill Abbott; используется смысловой пересказ.

6. «Лунь юй», XIII.23. Первичный фрагмент в переводе James Legge о доброжелательности без заискивания; русская формулировка — смысловой пересказ.

7. В. С. Соловьёв. «Оправдание добра», глава X, начало главы: личность и общество. Первичный фрагмент для ограниченного философского сопоставления.

Теги

Русский космизм; Фёдоров; Циолковский; Вернадский; общее дело; ноосфера; биосфера; будущее; предки; память; воскрешение; человеческое участие; ответственность; надежда; знание; исследование; технический прогресс; нравственная цель; достоинство; совершенство; различия; согласие; свобода; поколения; общее благо; природа; труд; материальные последствия; критическое чтение; границы проекта.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.